

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ С МОТИВОМ АБСУРДНОСТИ

© 2022 г.

В.Ф. Подставленко

Витебский государственный университет

им. П.М. Машерова

podstavlenko.v@yandex.ru

Фольклорные сюжеты и образы издавна выступают художественным базисом для авторских произведений, позволяющим писателям легко, увлекательно, на естественном фоне народной жизни раскрывать особо значимые проблемы. При этом отдельные фольклорные сюжеты были особенно широко растиражированы. С этим фактом связана **цель** данной статьи: на примере вариантов сказочного сюжета о господском суде над мужиком и его глупой женой выявить событийные особенности и характеристические несовпадения в образованной системе художественных текстов. Данный сказочный сюжет открыто продемонстрировал вариативность народного творческого мышления, тесно скорректированного с идейным морально-этическим базисом произведений. Его конкретное воплощение было осуществлено, во-первых, при помощи художественного приёма *от обратного* и описаний негативных поступков героев (в русских народных сказках), во-вторых, через событийную трансмиссию от драматических аспектов центральной истории к сфере народной карнавальности (в белорусских версиях сказки).

Ключевые слова: жанр сказки, сюжет, народная сказка, абсурдность, вариативность событий, центральные образы.

Морально-этический потенциал любой сказки является одним из основополагающих принципов художественного мира этого константно популярного жанра. Но при этом, что интересно, сказка демонстрирует реципиенту не только абсолютно положительные модели поведения и безупречные в благородстве и гуманизме примеры персонажей, но и жестокие, а то и чудовищные поступки героев. В такой ситуации всегда следует учитывать функциональные особенности сказочных образов. Так, увидев в произведении очередное воплощение inferнального зла, реципиент, так сказать, по императивам жанра, готов к его соответствующим антипоступкам. Но совсем иная картина наблюдается в социально-бытовых сказках, где рецепция «земных» персонажей, действующих в типичном реалистическом хронотопе, иногда требует более серьёзного осмысления.

Особенно это важно в отношении сказочных героев, не входящих в стереотипную оценочную дихотомию типа *свой* / *чужой* или *мужик* / *барин*. Оригинально проиллюстрировать такие сентенции можно на примере сказочного сюжета о крестьянине, нашедшем клад, и его жене, чьи излишняя болтливость и неосмотрительность могли привести к большим потерям либо даже к их физическому наказанию от жадного и жестокого барина.

Данный сюжет был очень популярен в устном народном творчестве, поэтому вариантно репрезентирован в восточнославянском культурном пространстве, также известен он и в дальнем зарубежье. При этом разными авторами корректировались как центральные перипетии сказки, так и характеристические нюансы её образной системы, зависящие от степени нравственности персонажей и этичности их неоднозначного поведения.

Для доказательности данного заключения апеллируем к собранию фольклорных произведений А.Н. Афанасьева, где приводятся три версии отмеченного сюжета под общим названием «*жена-доказчица*» [1]. Следует сосредоточиться на давней смысловой интерпретации лексемы «*доказчица*». Согласно «Словарю синонимов русского языка», это слово означало «*доносчица, обвинитель, фискалка*» [2]. Общеизвестно, что к таким людям всегда относились негативно, и это открыто утверждалось в народных произведениях, например, в пословице «*доносчику первая плеть*». Особой позорности достигал такой поступок, когда совершён он был близким человеком, прежде всего женой, из-за некой ссоры или неразумности женщины. В народе могли только посочувствовать её мужу, в связи с этим так и говорили, что «самое большое несчастье человеку – глупая жена» [3, с. 92]. При осмыслении антимических понятий *разумность* / *глупость* в народной аксиологии приоритет отдавался первой составляющей, а носителей второй традиционно ожидало наказание, чаще всего в форме всеобщего презрительного смеха.

В пределах такой же системы оценок и разрабатывается отмеченный сказочный сюжет, но, как отмечалось, с определенными вариациями. Так, в первой из них сама героиня, старая, болтливая и неразумная, находит клад. Старик, предвкушая для себя несчастливые последствия, разыгрывает жену, доводя ситуацию до полной карнавальная абсурдности. Поэтому на допросе у барина женщина выглядит глупой или лживой, в итоге её высекли, а после вместе со стариком выгоняют прочь. Отметим, что в текст сказки входит и описание реакции гуманно настроенного нарратора на беспричинное наказание героини: «Растяну-

ли её, сердечную, и начали потчевать; а она знай себе — и под розгами то же предлагает» [1]. Как видно из цитаты, здесь проявляются фрагментарная оценка событий с позиций нравственности и противоречивое отношение к персонажам, детерминированное желанием нарратора очертить истинную степень их виновности.

Во втором варианте сказки старуха не выдерживает искушения золотом и наговаривает барину на деда. Поэтому смертная казнь женщины воспринимается здесь как закономерный результат её безнравственного поступка. А старик (в соответствии с логикой народных сказок) награждён дальнейшей жизнью с новой избранницей.

Третья версия сказочных событий базируется на ещё большей событийной жестокости и преступности главных героев. Мужик, ничего не заработав, возвращается с чужбины. Убивает случайно встреченного состоятельного человека, забирает его деньги. Дома рассказывает об этом жене, после, узнав о её измене, избивает неверную. В итоге они идут судиться к барину. И в этот раз центральная сцена приобретает анекдотический вид и даже оригинально карнавализуется. Нарушая все логические императивы, образы мужика и его жены преподносятся не просто антагонистами, каждый из них сущностно амбивалентен: одновременно они преступники и жертвы. Однако в финале мужик (как носитель большего зла, греховности) побеждает и лично наказывает меньшее зло (жену), которое остаётся беззащитным и в полной его власти. Таким образом, из-за трансформации основных событий в народных сказках подтекстово утверждается неожиданная идея, что необязательно искать взаимопонимания с близкими, а стоит быть хитрым и находчивым в своих любых делах, и тогда победишь. В матрице народной аксиологии и морали отмеченная мысль видится дискуссионной, неоднозначной. Но её прагматическая чудовищность частично объясняется человеческой неразумностью протагонистов и их нравственной несостоятельностью, ущербностью перед искушением сомнительного материального счастья.

В продолжение темы нужно заметить одну деталь в последнем варианте сказки: для превращения слов жены в абсолютную бессмыслицу герой заставляет её поверить в чудо, например, что буквально груши растут на вербе. Иначе говоря, этот персонаж создаёт невероятную волшебную иллюзию, вера в которую становится для героини абсолютной.

Именно такой вектор развития вышеотмеченных событий презентуется в белорусском сказочном пространстве. Здесь широкую известность приобрела соответствующая фольклорная интерпретация под

названием «Хмара булкавая і аладкавая» [4, с. 128–129]. Уже в самом названии сказки манифестируются идеи большой мечты, фантастической невероятности, ведущие к беззаботной счастливой жизни. Интересно отметить, что в белорусской сюжетной модификации максимально редуцируется безнравственность центральных персонажей: деньги найдены мужиком на своём поле, а наказание у барина ограничивается только изгнанием глупой женщины. И этот пример доказывает, что нравственный аксиологический кодекс важно сохранить в любом творческом примере. Думается, ориентировался на него и Владимир Короткевич, когда работал над сказкой «Бліны на дрэве, грушы на вярбе» [5, С. 615–622]. В итоге в авторском художественном пространстве проанализированный сюжет получил исключительную занимательность, естественную поучительность и комичность.

Заключение

Раскрытый в статье сказочный сюжет открыто продемонстрировал вариативность народного творческого мышления, тесно скорректированного с идейным морально-этическим базисом произведений. Его конкретное воплощение было осуществлено, во-первых, при помощи художественного приёма *от обратного* и описаний негативных поступков героев (в русских народных сказках), во-вторых, через событийную трансмиссию от драматических аспектов центральной истории к сфере народной карнавальности (в белорусских вариантах сказки).

Список литературы

1. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af0.html> (дата обращения: 16.01.2022).
2. Большой словарь-справочник синонимов русского языка. 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/synonyms> (дата обращения: 15.01.2022).
3. Proverbial et dicta: Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / Н.А. Ганчарова, І.М. Шчарбакова, Л.Г. Калядка і інш.; Рэд. Н.А. Ганчаровай. Мінск: Універсітэцкае, 1993. 255 с.
4. Сацыяльна-бытавыя казкі / Рэд. В.К. Бандарчык. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. 520 с.
5. Караткевіч У.С. Збор твораў. У 25 т. Т. 3. Апавяданні. Казкі: 1946–1981 / У. Караткевіч; падрыхт. тэкстаў і камент. А. Вераб'я; рэд. тома Т. Шамякіна. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014. 774 с.

CROSS-CULTURAL VARIABILITY OF FAIRY-TALE PLOTS WITH THE MOTIVE OF ABSURDITY

V.F. Podstavlenko

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Folklore plots and images have long been the artistic basis for author's works, allowing writers to easily, fascinatingly, reveal significant ideas and problems against the natural background of folk life. At the same time, some folklore plots were especially widely replicated. The purpose of this article is connected with this fact: using the example of variants of a fairy-tale plot about the lord's trial of a peasant and his stupid wife, to identify event features and characteristic discrepancies in the educated system of literary texts.

The research material in the article is an improvised cycle of works of the above-mentioned plot orientation, presented in the collections «Russian Folk Tales by A.N. Afanasyev», «Social and everyday fairy tales» (edited by V. K. Bondarchik), as well as the fairy tale «Pancakes on a tree, pears on a willow» by Vladimir Korotkevich. The methods of concrete-historical, structural-typological and descriptive methods are chosen as the main ones for scientific analysis.

Main results and conclusions: this fairy tale plot openly demonstrated the variability of folk creative thinking, closely adjusted with the ideological moral and ethical basis of the works. Its concrete embodiment was carried out, firstly, with the help of an artistic technique from the reverse and descriptions of the negative actions of the heroes (in Russian folk tales), and secondly, through an event transmission from the dramatic aspects of the central story to the sphere of folk carnival (in Belarusian versions of the fairy tale).

Keywords: fairy tale, genre, plot, folk tale, absurdity, variability of events, central images.